БЫТЬ ГУВЕРНАНТКОЙ

Как воспитать принцессу

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Елена Владимировна Первушина

Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу

Серия «Как жили женщины разных эпох»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25456791
Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу / авт.-сост. Елена Первушина: Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906979-17-9

Аннотация

Быть принцессой – нелегкий труд, вырастить принцессу – практически подвиг. Авторы этой книги – гувернантки августейших семей. Они посвятили свою жизнь тому, чтобы научить маленьких наследниц трона хорошим манерам. Для того чтобы добиться восхитительного изящества в каждом движении, обучить нескольким языкам и развить такие необходимые королевским особам качества, как благородство, великодушие и решительность, требовалось поистине королевское терпение гувернанток. О том, как протекала их жизнь за стенами королевских покоев, как день за днем подрастали под их

бдительным присмотром юные принцессы, вы узнаете из этой книги.

Содержание

Предисловие 6
Часть I 10
Из записок Николая I 12
Из духовного завещания Николая I 16
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»[1] 18
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности» 23
Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет 34
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности» 36
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Елена Первушина
Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу

© Авт. – сост. Е. Первушина, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Быть принцессой – это работа, чем-то похожая на работу актрисы или манекенщицы. Нужно уметь носить очень красивые и дорогие, и одновременно очень неудобные платья, в которых нельзя бегать, прыгать и играть в свое удовольствие. Нужно быть очень элегантной и грациозной и все время улыбаться. Нужно всем говорить любезности и никому не верить.

Нужно выйти замуж за малознакомого человека, уехать с ним в чужую страну и молиться о том, что твои родители не ошиблись с выбором, что твой муж не окажется садистом или извращенцем и, наконец, что ты быстро родишь нужное количество детей нужного пола. Нужно помогать мужу в его государственных трудах, при этом ни в коем случае не показывая, что ты влияешь на политику, иначе тебя возненавидят. Нужно знать, кого можно и нужно вовремя осадить, а с кем ссориться ни в коем случае нельзя. Нужно защищать интересы своей родины, но так, чтобы этого никто не понял, иначе тебя назовут предательницей на твоей новой родине. И наконец, нужно не забывать о своих интересах, потому что больше о них не позаботится никто.

На эту работу не нанимают. Принцессы не подписывают контракта, и никто не обещает им вознаграждения. Они просто рождаются вместе со своими обязанностями, и не в их

власти отказаться.

И наконец, если сапожники учатся у сапожников, доктора – у докторов, ученые – у ученых, то принцесс учат простыне смертные: бонны, гувернантки, педагоги. Как правило, у них есть свое представление о том, как должна вести себя настоящая принцесса, чего ждут от нее ее родители и страна, и их мало волнует, чего хочет сама их воспитанница. Они приходят во дворец, преследуя свои цели, желая влияния, славы или денег, и желания их маленькой ученицы волнуют их не больше, чем резчика волнуют желания дерева.

Но все же, если у гувернантки доброе сердце и открытая душа, она может подружиться со своей воспитанницей. Иногда эта дружба может продолжаться всю жизнь, и старая гувернантка будет нянчить детей своей бывшей ученицы. Но бывает и по-другому. Времена меняются, меняются интересы и цели, старые, казалось бы, нерушимые дружбы разрываются, и остается только вспоминать прошлое и писать мемуары.

Но, по правде говоря, гувернантки редко писали мемуары. Может, потому, что во всякой семье неизбежно есть свои маленькие некрасивые тайны, о которых не очень хочется рассказывать, особенно если это семья венценосная. А может, потому, что гувернантки не привыкли задумываться о себе, о своем месте при дворе. Поэтому эта книга будет не совсем обычной. В первой части воспитанница расскажет о своих педагогах, во второй мы узнаем историю дочери по-

эта, которая стала придворной дамой, из придворной дамы – гувернанткой, а из гувернантки – политиком. И наконец, в третьей нас ждут мемуары воспитательницы последних русских принцесс. Приятного чтения.

Быть гувернанткой – непростая, но очень важная миссия.

«Воспитание – это то, что остается, когда все

остальное потеряно».
(Надин де Ротшильд)

Часть I
Дочери Николая I
или
У семи нянек дитя без глазу

Быть воспитательницей царских детей – ответственная работа. Особенно когда император такой строгий, каким был Николай I. Сначала в семье родился наследник, великий князь Александр. Для него был сформирован целый штат нянек, в главе которого стояла директриса Смольного института Юлия Федоровна Адлерберг.

Урожденная Анна Шарлотта Юлиана Багговут, она происходила из Багговутов – дворянского рода выходцев из Норвегии. Родилась Юлия в Ревеле 15 (26) октября 1760 года. Она уже была вдовой полковника Густава-Фридриха (Федора Яковлевича) Адлерберга, когда в 1797 году Мария Федоровна и Павел пригласили ее воспитывать своих младших сыновей Николая и Михаила. Юлия Федоровна подчинялась назначенной еще Екатериной II Шарлотте Карловне Ливен.

Шарлотту Карловну Николай очень уважал и вспоминал о ней как о женщине, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили». При

дворе о Шарлотте Карловне рассказывали легенды: говорили, что когда Екатерина пригласила ее для воспитания своих пяти внучек, то Шарлотта Карловна без обиняков высказала ей, что она согласна взяться за эту работу только при том условии, если сможет удержать детей подальше от распущенных нравов двора, и грозная императрица должна была подчиниться скромной провинциалке, вдове лифляндского офицера.

Юлия Федоровна отвечала лично за здоровье Николая, а потом и за здоровье Михаила. Она, как и Шарлотта Ливен, была по-немецки дотошна и рассудительна. Впрочем, не обошлось и без недоброжелателей. Один из них пишет: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне».

Из записок Николая I

Вскоре после кончины императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг. Во время коронования государя и путешествий, как предшествующего, так и последующего, сестра моя Анна и я, так как были слишком малы, чтобы сопутствовать государю, были оставлены в Петербурге, под присмотром обершенка Загряжского. Одновременно с сестрою Анною же нам была привита оспа, что по тогдашним временам представлялось событием необычайной важности, как совсем в обиходе не знакомое. Оспа у меня была слабая, у сестры же она была сильнее, но мало оставила следов.

Одновременно с нами также привили оспу сыну и единственной дочери госпожи Адлерберг, сыну Панаева и еще нескольким детям. Это происходило в Зимнем дворце; некоторое время спустя, ввиду того, что в то время переезжали в Павловск, мы были отделены от прочих и помещены с сестрою в доме Плещеева. Михаил, родившийся 28 января 1798 года, находился в то время сперва в Мраморном дворце с Дурновым, а впоследствии в Царском Селе…

В это время я познакомился с детьми госпожи Адлерберг: дочь ее, Юлия, была восемью годами старше меня, а сыну ее, Эдуарду, было тогда пять лет. Я шел по Зимнему дворцу к моей матушке и там увидел маленького мальчика, поднимав-

шегося по лестнице на антресоли, которые вели из библиотеки. Мне хотелось с ним поиграть, но меня заставили продолжать путь; в слезах пришел я пришел к матушке, которая пожелала узнать причину моего плача; приводят маленького Эдуарда, и наша 25-летняя дружба зародилась в это время. Сестра моя в то же время нашла в лице Юлии подругу, которая, 25 лет спустя, должна была сделаться гувернанткой моей старшей дочери.

Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки. Только в течение первого года дежурные дамы находились ночью при детской кровати, чередуясь между собой, – позднее они оставались лишь в течение дня – ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной.

Когда нас возили на прогулку в экипаже, что при жизни императрицы никогда не случалось без предварительного разрешения самой императрицы, после же ее смерти – с дозволения графини Ливен, то мы обыкновенно выезжали в полдень, моя сестра со мною вместе; впоследствии сестра выезжала одна, а Михаил и я катались вдвоем.

То были позолоченные шестиместные кареты, которым предшествовали два гвардейских гусара, позднее впереди ехали два вестовых в сопровождении конюшенного офицера с вестовым; два лакея – сзади за каретой. В праздничные дни карета была в семь стекол, то есть вся прозрачная, кроме спинки. Две англичанки с детьми на коленях занимали заднее сиденье, две дежурные дамы помещались против них. Когда госпожа Адлерберг была приставлена ко мне, то преимущественно она со мною выезжала, и с нею дежурная дама.

Ничто не делалось без разрешения графини Ливен, которая часто нас навещала. Обедали мы, будучи совсем маленькими, каждый отдельно, с нянькой, позднее же я обедал вместе с сестрою. Обыкновенно это давало повод к частым спорам между детьми и даже между англичанками из-за лучшего куска.

Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрышки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, что ребенку, стоя в кро-

вати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи…

Нас часто посещали доктора: господин Роджерсон, англичанин, доктор императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнброт и доктор Голлидей, который нам привил оспу.

Из духовного завещания Николая I

С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная… В последний раз благодарю их за братскую любовь.

* * *

12 (24) апреля 1802 года Юлия Федоровна получила должность начальницы Смольного института благородных девиц.

В 1818 году 58-летнюю Юлию Федоровну пригласили для воспитания наследника – Александра Николаевича, старшего сына Николая Павловича, тогда еще великого князя. Ее первой помощницей стала ее дочь, жена небогатого дворянина Трофима Осиповича Баранова – Юлия Федоровна Баранова. Юлия Федоровна – младшая была матерью четырех детей и отличалась мягким и добрым нравом.

За младенцами царской семьи ухаживали надзирательница Н. В. Тауберт, ей подчинялись три бонны-англичанки – А. А. Кристи, Е. И. Кристи и М. В. Касовская.

Юлия Федоровна – старшая в 1824 году была пожалована в статс-дамы, получила орден Святой Екатерины 2-й степени, а затем 1-й степени. Она умерла 20 сентября (2 октября) 1839 года в Санкт-Петербурге и была похоронена на Волковом лютеранском кладбище. После ее кончины Николай I писал И. Ф. Паскевичу: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило».

А Юлия Федоровна – младшая стала, как уже было сказано выше, воспитательницей маленького Александра и старшей дочери Николая I, великой княжны Марии Николаевны.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»[1]

Если Мэри плохо училась, несмотря на свои хорошие способности, то помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой, не имевшей и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием. Слишком хорошенькая, слишком остроумная, чтобы вызывать неудовольствие своих учителей, она могла бы, если б с ней правильно обращались, преодолеть все препятствия и

[1] Полностью воспоминания Ольги Николаевны опубликованы в книге: Быть принцессой. Повседневная жизнь при руссом дворе. М.: Алгоритм, 2017.

быстро наверстать потерянное. Сесиль Фредерикс часто говорила ей: «Мэри, что могло бы из вас получиться, если бы вы только хотели!».

Портрет Николая I.
Художник – Франц Крюгер. 1852 г.
Николай I Павлович (1796–1855) – император Всероссий-

ский с 14 (26) декабря 1825 года.

«Лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию».
(Николай I)

* * *

В ноябре Папá привез из Берлина домой Мамá с Мэри. Мэри получила по возвращении свою собственную квартиру, покинула наш флигель и переехала поблизости к Саше. В Берлине с ней обращались как со взрослой ввиду того, что там принцессы в пятнадцать лет, после конфирмации, переходят из рук воспитательниц в руки придворных дам. Мадам Баранова получила орден Св. Екатерины, и Матвей Виельгорский был назначен шталмейстером ввиду приемов и представлений, в которых Мэри должна была принимать участие. Она похорошела, бабочка выпорхнула из кокона. Ее сходство с Папá сказывалось теперь особенно, профиль к профилю она казалась его миниатюрой. И она стала его любимицей, веселая, жизнерадостная, обаятельная в своей любезности. Очень естественная, она не выносила никакой позы и никакого насилия. Ее ярко выраженная своеобразность позволяла ей всюду пренебрегать этикетом, но делала она это с такой женской обаятельностью, что ей все прощалось. Переменчивая в своих чувствах, жесткая, но сейчас же могу-

щая стать необыкновенно мягкой, безрассудно следуя порыву, она могла флиртовать до потери сознания и доставляла своим поведением часто страх и заботы Мамá. Сама еще молодая, она радовалась успеху дочери, испытывая в то же время страх перед будущностью Мэри, которая объявила, что никогда не покинет Отечества. За кого же она выйдет замуж?

* * *

Не повезло с гувернанткой и младшей дочери Николая – Александре.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»

В то время как Саша отсутствовал, а Мэри была всецело поглощена своим женихом, я снова сблизилась с Адини, которая постепенно превращалась в подростка. Прелестная девочка, беспечная как жаворонок, распространявшая вокруг себя только радость. Ранняя смерть – это привилегия избранных натур. Я вижу Адини не иначе как всю окутанную солнцем.

Совсем еще маленьким ребенком она привлекала к себе прелестью своей болтовни. Она обладала богатой фантазией и прекрасно представляла не только людей, но даже исторические персонажи, словно переселяясь в них. В одиннадцать лет она могла вести за столом разговор, сидя рядом с кем-нибудь незнакомым, как взрослая, и не казаться преждевременно развитой: ее грациозная прелесть и хитрая мордочка говорили за себя. Все в доме любили ее, дети придворных ее возраста просто обожали. Я уже упомянула, что у нее было прекрасное сопрано. Придворные дамы, понимавшие толк в пении, время от времени занимались с ней, отчего она даже была в состоянии, если и не без сердцебиения, петь дуэты со старым певцом Юлиани. Он преподавал пение в Театральном училище, и Адини была очень польщена тем, что он принимал ее всерьез. Грациозность сказывалась во всем,

что она делала, играла ли она со своей собакой, влезала ли на горку или же просто надевала перчатки. Ее движения напоминали Мамá, от которой она унаследовала гибкую спину и широкие плечи. В семье она называлась всеми «Домовой». Ее английская воспитательница, поставившая себе задачей закалить Адини, выходила с ней на прогулку во всякую погоду, что в один прекрасный день вызвало сильный бронхит, и ее жизнь была в опасности. Благодаря своему прекрасному организму она оправилась совершенно, но с болезнью исчез в ней ребенок. Близость смерти сделала ее совершенно иной. Смысл жизни и мысли о потустороннем стали занимать ее. Вся исполненная особого благоговения, готовилась она к посту, вместе со мной к Причастию. Бажанов, наш духовник, заметил, что она производит впечатление, точно едва ступает по земле. И несмотря на это она отнюдь не была натурой, которые теряются в неведомом, она осталась по-прежнему веселой, стала только более спокойной и гармоничной, чем прежде. Мы много говорили с ней, особенно о будущем, так как мы были еще очень молоды, чтобы говорить о прошлом. Чаще всего речь шла о наших будущих детях, которых мы уже страстно любили и верили, что внушим им уважение ко всему прекрасному, и прежде всего к предкам и их делам, и привьем им любовь и преданность семье. Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства.

Когда, с приближением зимы, мой кашель не прервался, а распухшим гландам Адини не стало лучше, доктора предложили отправить нас на морские купанья в Доберан, расположенный в Мекленбурге, где сестра Мамá, тетя Александрина смогла нас взять под свое покровительство. Мысль отправиться за границу без родителей нас совершенно не радовала. Нас погрузили на «Ижору», единственное судно Балтийского военного флота, имевшее ход девять узлов. Папа провожал нас до Ревеля. Не доходя до города, нам дали знать, что идет почтовый пароход из Любека. Весть для нас? Да! Мы остановились; Папá открыл депешу и побледнел: холера в Доберане! «Назад!» Возвращение! Какое счастье! Так думали мы. Но нет! Судно берет направление на Ревель, не возвращаясь в Петербург. Папа решил, что мы останемся в Екатеринентале (дворец), где нас устроили наспех.

Потом в этом первом приключении нашей жизни открылась своя прелесть. Папá поспешил возвратиться в Петербург, чтобы успокоить Мамá, и передал нас на попечение князя Василия Долгорукого и его адъютанта, который был командиром нашего судна. Его звали Литке, и он только что вернулся из кругосветного путешествия. Нам было ново и интересно наблюдать за тем, как он себя вел, так как он был молчалив и неопытен в придворном быту. Особенно же велико было смущение нашей Юлии Барановой в этих импровизированных обстоятельствах.

* * *

В 1834 году нас посетил наш дядя, принц Оранский, со своим старшим сыном (теперешним королем Вильгельмом Нидерландским). Принц, который в свое время был адъютантом герцога Веллингтона, был очень хорош собой, к тому же овеян ореолом военных успехов. Он и его супруга, принцесса Шарлотта (подразумевается великая княгиня Анна Павловна[2]), великосветская дама, говорившая по-французски как парижанка, имели все данные, чтобы понравиться в Петербурге. Сын же, семнадцати лет, был настоящий остолоп. Как кузен и товарищ детских игр, каким он являлся, он проводил многие часы в наших комнатах. Он был влюблен в Мэри. Когда его отсылали под предлогом, что нам надо учиться, он прятался между двойными дверьми наших комнат. После каждого долгого молчания, позволявшего ему заключить, что урок кончился, он неожиданно у нас появлялся. Только в случаях, когда на урок приходил Батюшка, его удавалось окончательно удалить. Он боялся одежды и бороды последнего. Точно такое же действие производила на него воспитательница Адини мисс Броун, которую он к тому же находил глупой. Однажды он бросил ей в лицо нашу болонку, разозлившись на то, что она выбрала его партнером

---

[2] Сестра Николая I, тетя Ольги.

во время игры в «Молчание». Она должна была это сделать поневоле, оттого что он был последним. Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось его удалять насильно, и когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног. Я думаю, он царапался бы, если бы это было возможно. История с мисс Броун и болонкой дошла до ушей его отца. Он получил 24 часа домашнего ареста. Когда он вновь появился, он стал еще невыносимее. Во время игры в серсо он втыкал булавки, о которые мы кололись, и когда, утомленные игрой, мы хотели отдышаться, он лил нам воду на затылок. Наконец чаша переполнилась, и мы серьезно пожаловались Папá, который решил, что молодой человек вместо того, чтобы сидеть за детским столом, будет отныне сидеть со взрослыми. Эта честь только разозлила его. Принц Оранский признался, что ничего не понимает в воспитании, но он тем не менее противился всему, что в этом отношении решала его жена. Супруги жили несчастливой семейной жизнью.

* * *

Весной этого года[3] мои родители поехали на короткое время в Москву и навестили окрестное дворянство в их имениях. Они взяли с собой Адини и Кости.

---

[3] 1835.

Во время этой поездки Литке влюбился в мисс Броун, на которой он потом и женился. По возвращении Адини рассказывала нам, что это были лучшие дни ее жизни. Она была совершенно предоставлена самой себе ввиду того, что влюбленные никого и ничего, кроме себя самих, не видели.

* * *

Год приближался к концу, скоро должен был наступить новый[4], которому суждено было бросить на мою жизнь глубокую тень. В октябре приехала мистрис Робертсон, известная английская художница, чтобы написать с Адини большой портрет в натуральную величину. В розовом платье, с волосами, заплетенными в косы по обе стороны лица, – такой она изображена на нем. Она была немного меньше меня ростом, с не совсем правильными чертами лица и очень хороша своеобразной красотой. Ее лицо всегда сияло весельем; но сейчас же меняло свое выражение, как только начинался разговор о чем-нибудь серьезном. В молитве, когда я закрывала глаза, чтобы сосредоточиться, она, наоборот, широко открывала глаза и поднимала руки, точно желая обнять небо. Она, которая так нетерпеливо ждала момента, когда попадет в общество, уже после одного года, вернее одной зимы, была разочарована той пустотой, которую встре-

[4] 1844.

тила. «Жизнь только коридор, – говорила она, – только приготовление». Она любила религиозные книги. Ее «Подражание Христу» было совершенно испещрено карандашными пометками, особенно глава о смерти. И несмотря на все это, у нее не было никаких трагических предчувствий, каждый считал ее обладательницей здоровой натуры. Она никогда не садилась во время богослужения, даже если оно продолжалось часами. Когда она бывала в комнатах детей, она всегда поднимала маленьких на воздух, кружилась с ними, шалила с младшими братьями и совершала с ними самые дальние прогулки верхом. Обежать парк в Царском Селе было для нее пустяком, в то время как я считалась хрупкой и была обязана беречься. И все-таки это я должна была ее пережить! С июня этого (1843) года Адини начала кашлять. Мисс Броун, вместо того чтобы обратить на это внимание, заставила ее продолжать принимать морские ванны, которые считала закаливающими, и по ее почину Адини принимала их каждый день. Когда мы поехали поздней осенью в Москву, кашель настолько усилился, что Адини несколько раз просила освободить ее от вечерних приемов. Зимой она снова поправилась и в Рождественский пост могла принимать участие в службах, которым отдавалась с еще большим рвением, ввиду предстоящей разлуки с нами и своим девичеством. Фриц Гессенский приехал в Сочельник к раздаче подарков. В Концертном зале были расставлены столы, каждому свой. Я получила тогда чудесный рояль фирмы «Вирт», картину,

нарядные платья к свадьбе Адини и от Папа браслет с сапфиром – его любимым камнем. Для Двора и светского общества был праздник с лотереей, на которой разыгрывались прекрасные фарфоровые вещи: вазы, лампы, чайные сервизы и т. д.

Портрет Александры Николаевны.
Художник – Кристина Робертсон. 1840 г.

Александра Николаевна («Адини», 1825–1844) – младшая дочь Николая I и его жены Александры Федоровны, названная в честь своей тетки по отцу Александры Павловны. Была любимицей отца, славилась своей красотой и легким характером

26 декабря было официальное празднование помолвки Адини, а на следующий день большой прием. Фриц рядом со своей прелестной невестой казался незначительным и без особой выправки. Позднее я вспоминала, как был обеспокоен старый доктор Виллие, лейб-медик дяди Михаила, после того, как, пожав руку Адини, он почувствовал ее влажность. «Она, должно быть, нездорова», – сказал он тогда.

* * *

16 (28) января 1844 года Александра Николаевна вышла замуж за Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского. В то время ее легкие уже были серьезно поражены туберкулезом. Течение болезни ускорилось под влиянием наступившей вскоре беременности. Это печальное известие сообщил семье лейб-медик Фридрих Иванович Мандт. Молодая семья осталась в Царском селе, так как Александра не перенесла бы путешествия. За три месяца до срока она родила сына, который умер вскоре после рождения, и в тот же

день скончалась сама. Вместе с сыном Вильгельмом она была похоронена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости. В память об Александре императорская семья распорядилась поставить в парке Петергофа, рядом с дворцом «Коттедж», бюст (в настоящее время восстановлен), а в Царском Селе – часовню со статуей великой княгини с ребенком на руках (работы И. П. Витали). Сейчас часовня утрачена, статуя хранится в Царскосельском дворце. В Санкт-Петербурге после смерти Александры Николаевны был открыт детский приют ее имени и Александровская женская клиника.

* * *

Воспитательницей великой княжны Ольги Николаевны была шведка Шарлотта Дункер, потом ее сменила Анна Алексеевна Окулова. В своих мемуарах Ольга Николаевна подробно рассказывает о том, как это произошло. Взрослые, знавшие обеих воспитательниц, отзывались о них не очень комплиментарно.

Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет

При великих княжнах была Юлия Федоровна Баранова, дочь графини Адлерберг, очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У великой княжны Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романическими наклонностями; она любила слушать с Мердером[5] пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер, Марию Николаевну с меньшой сестрой, что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили.

Швейцарец Жилль и Жуковский были учителями; впоследствии Плетнев заменил Жуковского, когда науки сделались серьезнее. Русскую историю преподавал профессор Арсеньев, скучнейший из смертных. Император ему сказал: «Русскую преподавать до Петра, а с Петра я сам буду учителем». На этих же лекциях никто не присутствовал. Государь знал все двадцать томов Голикова[6] наизусть и питал чувство

---

[5] Карл Карлович Мердер (8 января 1787 – 24 марта 1834) – генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель императора Александра II.

[6] Сочинения И. И. Голикова: «Деяния Петра Великого» (М., 1788–1789. Т. 1–12); «Дополнения к деяниям Петра Великого» (М., 1790–1797. Т. 1–18).

некоторого обожания к Петру. Образ Петра, с которым он никогда не расставался, был с ним под Полтавой, этот образ был в серебряном окладе, всегда в комнате императора до его смерти. Глядя на него, он отдал богу душу, которая и на земле всегда всецело принадлежала своему Творцу. Надобно сказать, что императрица никогда не была довольна обстановкой своих детей; она очень справедливо говорила, что Юлия Федоровна Баранова была неудовлетворительна как гувернантка такой острой девочки, как великая княжна Мария Николаевна; тогда взяли во фрейлины Наташу Бороздину. Наследник приударил за ней. Мария Николаевна этим забавлялась и сделалась confidente[7] его детских и невинных преследований. К счастью, Наташа была благоразумная девочка и смеялась над его вздохами. Наташа всегда была в большой дружбе с великим князем и пользовалась милостями государя.

* * *

Из этой записи видно, что дети волей-неволей вовлекались в дворцовые интриги, которые им были явно «не по возрасту».

---

[7] Поверенной *(фр.)*.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»

С некоторых пор я перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки Шарлотты Дункер, шведского происхождения и протестантского вероисповедания. Она не знала иной родины, как шведский монастырь в Санкт-Петербурге, в котором она девять лет была ученицей и девять лет учительницей. Образованная и строгая, она внушала мне уважение к работе. В пять лет я могла читать и писать на трех языках. Что же касается музыки, то тут ее строгость не повлияла на успехи. Тетя Мария Павловна Веймарская (сестра Папá), которая присутствовала на уроке, посоветовала оставить рояль: «У нее нет способностей», – сказала она. Я была необычайно горда, доказав ей в 1843 году противоположное, когда уже играла наизусть, что от меня требовалось, и аккомпанировала графине Росси (Зонтаг[8]), когда она пела…

* * *

В июле 1824 года воспитателем Саши был назначен Карл

---

[8] Генриетта Гертруда Вальпургис Зонтаг, в замужестве – графиня Росси; немецкая оперная певица (колоратурное сопрано), с большим успехом выступала в Петербурге и в Москве в 1830–1837 годах.

Карлович Мердер. Он был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценный человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться. Судьбе было угодно, чтобы он не дожил до совершеннолетия Саши. Он умер в Риме в 1834 году.

Карл Карлович очень любил меня, маленькую и застенчивую. Он точно оценил искренность моих побуждений и взглядов: «Что она говорит, то она и делает: человек слова. Это определение принесло мне счастье.

Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания Наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божия: «Что такое символ?». Я молчу. «Знаете ли вы слово „символ“?» – «Да». – «Хорошо, говорите!» – «Я знаю сим-

вол веры, верую». – «Хорошо, значит, что обозначает символ веры?» Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка! Жуковский читал выдержки из того. что он написал о воспитании, нашей Мама́, которая после таких длинных чтений спрашивала его просто: «Что вы, собственно, хотите?». Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал[9].

[9] Весьма критически оценивал педагогические способности Жуковского и сам Александр II.

Портрет Василия Андреевича Жуковского.

Художник – Карл Брюллов. 1837 г.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) – русский поэт, переводчик, критик, наставник императора Александра II.

> *«Твердость есть сила, основанная на союзе разума с волей. Упрямство есть слабость, имеющая вид силы; она происходит от нарушения равновесия в союзе воли с разумом».*
> *(Василий Жуковский)*

При выборе учителей считались с советами пастора Муральта, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга. Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло нам вреда. Потом, после того как он женился на Елизавете Рейтерн[10], я полюбила его. Благодаря ей он встречался со строгим протестантом Рейтерном и пылким католиком Радовицем. Он сам, православного вероисповедания, был малосведущ в делах своей церкви. Он стал изучать православие, чтобы быть достойным противником в дискуссиях с ними.

---

[10] 58-летний Жуковский обвенчался в 1841 году в Дюссельдорфе с 19-летней Елизаветой Евграфовной Рейтерн, дочерью его давнишнего приятеля, живописца Е. Р. Рейтерна, и больше 12 лет прожил со своей новой семьей в Германии.

* * *

Опять встают передо мной картины нашей детской жизни. В память моего посещения монастыря в Новгороде игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком Папá подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру. По возрасту я была между ними обеими: на три года моложе Мэри, на три года старше Адини – и часто чувствовала себя немного одинокой. Я начала уже отдаляться от мирка игр Адини, в то время как не могла еще подойти к миру взрослых, к которому в свои четырнадцать лет уже принадлежала Мэри. Мои сестры были жизнерадостными и веселыми, я же – серьезной и замкнутой. От природы уступчивая, я старалась угодить каждому, часто подвергалась насмешкам и нападкам Мэри, не умея защитить себя. Я казалась себе глупой и простоватой,

плакала по ночам в подушку и стала представлять себе, что я совсем не настоящая дочь своих родителей, а подменена кормилицей: вместо их ребенка она положила мою молочную сестру. Мадемуазель Дункер только способствовала моему одиночеству. Благодаря своему характеру она мгновенно вспыхивала и сейчас же передавала свое неудовольствие Юлии Барановой, которая в свою очередь тотчас же брала сторону своей воспитанницы Мэри. Вкрадывалась натянутость в отношения, и каждая оставалась со своей ученицей в своей комнате. Воспитатель Саши генерал Мердер, который был в хороших отношениях с Шарлоттой Дункер, умел меня подбодрить и внушить мне доверие к себе, говоря, что ни мое спокойствие и ни моя застенчивость отнюдь не значат, что я неспособная, но указывают на качества глубокой натуры, которой нужно время, чтобы развиться. Сходство моей натуры с Сашиной сделало то, что он был необычайно чуток и близок со мной.

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин, и вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились, оттого что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты.

* * *

Мадемуазель Дункер вернулась домой[11] довольная и в хорошем настроении: она завела массу знакомств, всюду ее приглашали и прекрасно принимали. В Петербурге она никогда никуда не выезжала. У нее не было даже родных, кроме ее матери, которую она, – я никогда не узнала, из каких соображений, – не смела навещать. Поэтому совершенно не удивительно, что все тепло и вся любовь, к которой было способно ее сердце, направлены были на меня, и она подсознательно отгораживала меня от остальных. Мэри не питала к ней ни малейшей симпатии и неизменно при каждом удобном случае заставляла ее это чувствовать. Юлия Баранова была не в силах что-либо предпринять против этого; за дерзостями следовало то, что каждый оставался в своем углу. В учении я сделала колоссальные успехи: только на полгода я отставала от Мэри, которой было уже шестнадцать лет. Учителям, видимо, доставляло радость подвигать меня так быстро, и чем дальше я шла в ученье, тем усерднее я становилась.

Но я совершенно не чувствовала себя счастливой. Мое существо становилось скорее еще более замкнутым, моя склонность к религии обращалась в мистику. Если бы это продолжалось еще дольше, я совершенно замкнулась бы в

---

[11] Из заграничной поездки императорской семьи в 1835 году на Сицилию в связи с болезнью Александры Федоровны.

своих четырех стенах. Мама первая обратила на это внимание. Она стала расспрашивать. Мэри, как всегда, не жалела жалоб. Пробовали обратиться к Шарлотте Дункер, для чего избрали Баранову, которая была слишком неумна для того, чтобы успешно провести такую роль. Но родители относились к ней очень хорошо благодаря ее приятной незлобивой натуре. Слушали, правда, и нас, но не вникали в мелочи. Таким образом, многое являлось в ложном свете. Шарлотта, которую в свое время поддерживал и которой давал советы генерал Мердер, оставалась теперь совершенно одна, и оттого, что она чувствовала себя отодвинутой на задний план, она стала вспыльчивой и склонной к сценам. Папа услышал об этом и решил, что нужно нас разъединить. Он не любил половинных мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских. Это решение было вызвано следующим.

Был август 1836 года. Мы возвратились с Елагина в Петергоф. Жюли (Юлия Баранова) оставалась из-за болезни в Смольном. Нас, трех сестер, поручили Шарлотте, и мы все вместе ежедневно предпринимали поездки в фаэтоне. Мэри, которая хорошо знала расположение, давала указания кучеру и направляла экипаж в Новую Деревню, где размещалась гвардейская кавалерия. Как только появлялся царский экипаж, дежурные офицеры должны были его приветствовать. Для нас, детей, это не играло роли; Мэри же не была больше ребенком. Когда мы ездили под присмотром Жюли, Мэ-

ри научила нас толкать ее ногой, если издали появлялся кто-нибудь знакомый. В таком случае Мэри сейчас же поворачивала голову в противоположную сторону и обращала внимание Жюли на что-нибудь там, и когда экипаж был достаточно близко от знакомого, ему посылались приветствия и улыбки, в то время как Жюли все еще смотрела в противоположную сторону. Это проделывалось ежедневно, и Жюли не догадывалась об этой шалости. То же самое Мэри попробовала было с Шарлоттой. Но та заявила, что совершенно не нужно ежедневно ездить через Новую Деревню, и запретила нам, младшим сестрам, толкаться ногами в коляске.

Это кончилось сценой и слезами с обеих сторон, Шарлотте не удалось справиться со своим волнением, всем было заметно ее возбуждение. Ночь она провела с нами, но на следующий день, когда я проснулась, она не появилась, как не появилась и к завтраку, и когда ее не оказалось, чтобы идти гулять, меня охватило недоброе предчувствие. Я вихрем взлетела по лестнице в комнату, где она обычно одевалась, и нашла там ее шиньон, ее лорнет, ее шелковое фишю[12] все разбросанным в беспорядке, точно она куда-то торопилась. Тут я разразилась слезами. Мэри стояла подле очень смущенная, Адини же ничего не понимала и была в замешательстве. Я знаю, что в глубине своего сердца Мэри упрекала себя в том, что так меня огорчила. Перед тем как мы должны были выйти, меня позвали к Мама. Увидев мое заплакан-

---

[12] Косынка, шейный платок.

ное лицо, Мама́ сказала мне, что эта разлука была необходима. К этой мысли Мама́ хотела подготовить меня постепенно. И все же никто не сумел понять, насколько я любила свою Шарлотту и насколько была к ней привязана.

Мама оставила меня у себя, окружила вниманием и лаской и ждала, пока я заговорю, чтобы все разъяснить мне. Я обожала свою мать, но в эту минуту мое сердце разрывалось на части и я не смогла ничего сказать. Через несколько дней Мама́ передала мне маленькое письмо, благословила меня и сказала нежно: «Прочитай его перед сном!». Я сохранила его в моем молитвеннике. В нем было все, что я уже предчувствовала, что я боялась узнать. Решение родителей мне показалось ужасным; но раз они так постановили, значит, они были правы, и мне не оставалось ничего другого, как покориться. Мама́ была очень мила ко мне и посвящала мне, ввиду отсутствия Папа́, все свое время. Я могла спать с ней, мы вместе гуляли, и в туалетной комнате Папа́ проходили мои занятия. Мама́ подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества. Как гувернантку взяли на пробу мадам Дудину, начальницу одного приюта. Ослепленная жизнью при Дворе, до сих пор ей непривычной, она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня, и в то время, пока она была у нас, я привязалась к Авроре Шернваль фон Валлен, которая как раз была назначена фрейлиной[13]. Дочь

---

[13] Баронесса Ева Аврора Шарлотта Шернваль – из рода финских шведов, фрей-

шведа-отца и матери-финляндки из Гельсингфорса, она была необычайной красоты, как физически, так и духовно, что сияло в ее красивых глазах. Когда она говорила о лесах, скалах и озерах своей родины, все в ней светилось. Ее взгляд и осанка говорили о гордости и независимости, она была настоящей скандинавкой. Поль Демидов, богатый, но несимпатичный человек, хотел на ней жениться. Два раза она отказала ему, но это не смущало его и он продолжал добиваться ее руки. Только после того как Мама́ поговорила с ней, она сдалась. «Подумай, сколько добра ты сможешь делать». Этими словами Мама́ окончательно убедила ее. В день своей свадьбы она подарила мне «слезу своего сердца», маленькое черное эмалевое сердце с брильянтом, которое я бережно храню. Во втором браке она была замужем за Андреем Карамзиным, на этот раз по любви. Но счастью ее не суждено было долго длиться. В 1854 году Андрей пал смертью храбрых в Силистрии. Оставшись вдовой, она нашла утешение в том, что делала добро где только могла.

лина и статс-дама русского императорского двора, общепризнанная красавица, адресат стихов Баратынского.

Анна Алексеевна Окулова в русском наряде.
Художник – Пимен Орлов. 1837 г.

Анна Алексеевна Окулова (1795–1861) – фрейлина двора и воспитательница великой княжны Ольги Николаевны; кавалерственная дама ордена Святой Екатерины (меньшого креста) и камер-фрейлина двора. Оставила памятные «Записки», незначительная часть их напечатана в «Русском Архиве» (1896)

Мадам Дудина оставалась при мне только несколько недель. Накануне Николина дня, 5 декабря, у меня появилась Анна Алексеевна Окулова, и с ней началась моя новая эра жизни. Выбор Анны Алексеевны был сделан Папá. Когда она была институткой Екатерининского института в Петербурге, ее уже знала Бабушка, очень ценила и оказала ей во время своей поездки в Москву какое-то благодеяние. Папá помнил ее веселое, открытое лицо. Она жила со своей семьей в деревне и ввиду того, что были затруднения денежного характера, заботилась об управлении имением и воспитании своих младших братьев и сестер. Все уважали ее энергию и предприимчивость. Чтобы избежать всяких неожиданностей и неприятностей, ее положение при Дворе, а также ее доходы были с самого начала утверждены. Ее сделали фрейлиной, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Жюли Баранова, русское платье синего цвета с золотом, собственный выезд и ложу в театре. Я встретила ее впервые на одном музыкальном вечере Мамá. Она сейчас

же покорила мое сердце. Мне показалось, что повеяло свежим воздухом в до сих пор закрытую комнату. Она совершенно изменила меня. Ей сейчас же бросилось в глаза, какая я замкнутая и насколько лучше я могла писать, чем изъясняться, и она мне предложила вести дневник, чтобы я могла ясно себя увидеть и чувствовать себя свободнее. Она надеялась таким образом уменьшить и мою застенчивость. Я с готовностью приняла ее предложение и настолько привыкла писать дневник, что это стало для меня приятной необходимостью. Успех оправдал ее ожидания, я научилась выражать свои чувства и стала общительней.

Счастливый характер Анны Алексеевны вскоре привлек к ней много друзей, а здравый ум направил правильным путем через лабиринт придворной жизни. Озадаченная непониманием между нами, сестрами, она сейчас же стала искать причину этого. Она никогда не говорила «моя великая княжна», она всегда называла нас вместе и старалась в свободные часы занимать нас всех общим занятием. Мэри она завоевала своей жизнерадостностью, а также рассказами из времен своей юности. В Екатерининском институте[14] она видела Бабушку[15] каждую неделю, когда та посещала девочек, все-

---

[14] Екатерининский институт благородных девиц – место обучения дочерей нетитулованных дворян. Здание института размещалось на наб. реки Фонтанки (д. 36). О Екатерининском институте см.: Смольный институт. Дневники воспитанниц. М.: Алгоритм, 2017.

[15] Императрица Мария Федоровна, жена Павла I и мать Николая I, была патронессой Екатерининского института.

гда в нарядном платье, чтобы доставить удовольствие детям, которые любовались ее драгоценностями. Она рассказывала о войне, о своем бегстве из Москвы в 1812 году, о своем беженстве в Нижнем Новгороде, о возвращении в родной сожженный город. Она заставляла нас рисовать по оригиналам и читала при этом вслух по-русски. Мама, которая была еще очень слаба после неудачных родов, много бывала у нас, также и Саша, впрочем, тот больше из-за молодых фрейлин. Мы играли, пели и жили беззаботной жизнью веселой компании. К сожалению, Анна Алексеевна, которая так удачно завоевала наш круг, сделалась вскоре жертвой несчастного случая. Широкий рукав ее муслинового платья загорелся от свечи; я же, вместо того чтобы помочь ей, потеряла голову и стала звать на помощь. Прежде чем вбежавший камердинер смог затушить пожар своими руками, она уже получила ожоги на руке и груди, от которых потом остались рубцы.

* * *

Папá распорядился, чтобы на наш стол употреблялись 25 серебряных рублей: одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо больше, но ни конфет, ни мороженого. Для освещения наших рабочих комнат полагалось каждой по две лампы и шесть свечей, две на рабочий стол, две воспитательнице и две на рояль. Каждая из нас имела камердинера,

двух лакеев и двух истопников. Общий гофмейстер следил за служащими, к которым причислялись два верховых для поручений. У мадам Барановой, кроме того, был еще писарь для бухгалтерии. К тому же у каждой из нас был свой кучер. Мой Усачев умер в 1837 году и был заменен Шашиным, который сопровождал меня в Штутгарт. Прекрасный человек, прослуживший мне 37 лет и умерший в 1873 году. Я посещала его во время болезни; ему ампутировали обе ноги, но он все еще был весел и встречал меня всегда своей всегдашней доброй улыбкой и благословлял меня. Никогда и ни в чем я не могла упрекнуть его. Единственное, что ему ставилось в Штутгарте в минус, было то, что он давал слишком много овса своим русским лошадям.

Наши преподаватели получали 300 серебряных рублей в год и должны были получать эту же сумму пожизненно, как пенсию. Для нашего гардероба было ассигновано 300 рублей до нашего пятнадцатилетия, чего нам никогда бы не хватило, если бы Мамá не помогала нам подарками на Рождество и в дни рождения.

На милостыню были предназначены 5000 рублей серебром в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капитал. Каждый год Папá проверял наши расходы. После его смерти наш капитал стал употребляться для уделов.

* * *

Анна Алексеевна очень следила за моими науками: предполагалось, что я выйду замуж в шестнадцать лет. Я начала писать маслом. Наш учитель рисования Зауервейд[16] устроил мне в Сашиной башне ателье, к которому вели сто ступенек. Оттуда можно было наблюдать за облаками и звездами. Он хотел научить меня быстрой и успешной манере писать. Я принялась за это с восторгом и была вскоре в состоянии с успехом копировать некоторые картины в Эрмитаже. Зауервейда в Дрездене обнаружил Папá. Он писал батальные сцены и копировал художников с таким совершенством, что потом многие эти копии были проданы как оригиналы.

Тут, кстати, хотелось бы коротко описать наших различных преподавателей.

Мосье Жилль, родом из Женевы, наш преподаватель истории, говорил не слишком приятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию. Все, чему он нас учил, было легко понять и хорошо запоминалось. Он обращал наше внимание на достойных примера людей или их поступки, будь то на поприще искусства, нау-

---

[16] Зауервейд Александр Иванович (1782–1844) – немецкий и русский художник, профессор батальной живописи Императорской Академии художеств. При Николае I был преподавателем рисования при великих князьях.

ки или исследований. Так, например, мы знали об Александре Гумбольдте[17] и его приезде в Петербург, знали об исследователе Южного полюса капитане Россе[18] и о фон Хаммеле, взошедшем первым на Монблан. Он приносил нам самые лучшие литографии, чтобы пробудить в нас интерес к дальним странам. Папа назначил его потом заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе. Ввиду того что у него были также и большие познания в истории оружия. Как ученый он заслужил благодаря своим трудам европейскую славу.

Наш преподаватель английского языка Варранд был истинным другом детей: веселый, склонный всегда нас баловать, всегда готовый дать свой урок в саду, он позволял нам

---

[17] Барон Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник. Почетный член Петербургской академии наук. Побывал в России в 1829 году по приглашению российского министра финансов, для того чтобы посетить уральские рудные месторождения. Побывал в Санкт-Петербурге, Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Перми. Осмотрел месторождения железных, золотоносных руд, самородной платины, малахита. Побывали на известных уральских заводах, в том числе Невьянском и Верхнетуринском. Был в Тобольске, Барнауле, Семипалатинске, Омске, Миассе, по Южному Уралу с осмотром Златоуста, Кичимска, Орска и Оренбурга. Посетил Илецкое месторождение каменной соли, прибыл в Астрахань, а затем совершили небольшую поездку по Каспийскому морю. По результатам поездки издал трехтомный труд «Центральная Азия».

[18] Сэр Джеймс Кларк Росс (1800–1862) – британский военный моряк, исследователь полярных районов, именем которого названы море и ледник, два острова в Антарктике (Остров Росса и Остров Джеймса Росса), вид тюленей, вид бабочек и др.

в свободное время делать с ним, что нам было угодно. На все случаи жизни у него были свои поговорки. Он был очень чистенький и аккуратный. Так, например, он каждый раз мыл себе голову перед тем, как выйти на прогулку, и случалось не раз, что, возвратясь, он не мог снять шляпы с головы, оттого что она примерзла. У него, прекрасного отца, все его дети вышли отличными существами и преуспевали на своей службе.

Наш немецкий преподаватель назывался Оёртль. Он был очень независим, но в высшей степени небрежен к своей особе. Еще сегодня я вспоминаю рисунок его вышитых подтяжек. Ногти его были всегда грязны, но система занятий – блестящая. Он постоянно заставлял нас не распускаться и вдалбливал в своевольные головы наши ужасно трудные немецкие фразы, в которых до бесконечности нужно ждать глаголов.

Многому учил он нас по цветным картинкам, что нам нравилось и легче запоминалось. Но потом, когда мы перешли к изучению и чтению примеров из классической литературы, мы примирились с немецким языком. Я пробовала даже писать мой дневник по-немецки, но говорить я научилась только после моего замужества.

Курно – наш преподаватель французского языка – появился у нас, когда мне было пятнадцать лет. Анна Алексеевна в своей постоянной заботе о том, чтобы развязать мне язык, обратилась к нему, знаменитому своей системой пре-

подавания, с просьбой научить меня передать экспромтом мною слышанное или сочиненное. Вскоре он должен был отказаться от этого, уж слишком неспособной я оказалась. Тогда он стал заставлять меня писать, считая, что так я скорее могу добиться успеха. После того как я закончила свое учение у него, мы стали истинными друзьями, и читать и разговаривать с ним стало для меня искренним удовольствием. Я вспоминаю, как однажды Папá вошел ко мне и услышал, что мы читаем «Военная служба и ее значение» Альфреда де Виньи[19]. Он слушал некоторое время очень внимательно, затем взял книгу себе и прочел ее с начала до конца. Мысль о воинском долге, которая была заложена в основу этой книги, настолько захватила его, что он был тронут почти до слез.

Наш русский преподаватель, Плетнев[20], был по духу очень тонок, почти женственно чуток и очень ценился современниками как литературный критик, признаться, несколько са-

---

[19] Альфред Виктор де Виньи (1797–1863) – французский писатель-романтик, автор сборников стихов, исторических романов, пьес и поэм, в числе которых была одна, посвященная женам декабристов.

[20] Петр Александрович Плетнев (1791–1866) – критик, поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. Был учителем словесности в женских институтах, кадетских корпусах и в Санкт-Петербургском Благородном пансионе. По рекомендации В. А. Жуковского, с 1828 года Петр Александрович преподавал литературу наследнику престола Александру II и великим княжнам. Был близким другом Пушкина и Гоголя, редактировал вместе с бароном Дельвигом литературный журнал «Северные цветы», а в 1838–1846 годах, после смерти Пушкина, вел его журнал «Современник».

моуверенный. В своих суждениях он шел наперекор всем принципам и теориям, опираясь только на чистоту и искренность своего чувства. Все обыденное, плоское было чуждо ему. Его влияние на учащуюся молодежь в Петербурге было очень плодотворно. Он открывал и бережно хранил такие таланты, как Гоголь, Майков и другие. С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, в Саше – доброту сердца и всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности как в отношении Бога и людей, так и перед нами самими. Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагает на нас и хотел бы нам помочь их осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя он был очень посредственным педагогом, его влияние на паши души и умы было самым благодатным. Он умер в 1858 году в Париже после долгой и мучительной болезни. Мэри, блиставшая в то время в Париже на празднествах и балах при дворе Наполеона III, успевала навещать нашего старого друга, чтобы отплатить ему той же верностью и добротой, которую он питал к нам, детям.

Я уже упоминала, что он был другом и издателем Пушкина. Его письма, как и статьи, всеми читались, его имя связывали с духовными и политическими сдвигами нашей эпохи. Благодаря ему я поняла, какое направление приняли либе-

ральные идеи декабристов. Папа знал свой народ и Россию, как немногие. «Они должны чувствовать руку, которая ведет их», – были его слова. Управлять собой учатся не по теории. Нужно время, чтобы узнать свободу и суметь ее сохранить!

Портрет Петра Александровича Плетнева.
Художник – Алексей Тыранов. 1836 г.

Петр Александрович Плетнев (1791–1865) –

критик, поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета

Однако куда же я отвлеклась?…

Тимаев, наш преподаватель русской истории, инспектор классов в Смольном, был педант и сухарь, каким неминуемо становится каждый, если он изо дня в день без всякого подъема проводит однообразную работу надзора за девятьюстами людьми (включая и педагогов). Он был единственным нашим преподавателем, который экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки.

Арифметику нам преподавал Колленс, прекрасный человек, рано умерший и замененный Ленцем, нашим преподавателем физики, профессором Академии наук и множества университетов. В нем соединялись большие знания с добродушием, что можно часто найти в немецких ученых. Я была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби[21]. Опы-

---

[21] Борис Семенович Якоби разработал так называемый «пишущий телеграф», в котором электромагнит при помощи системы рычагов приводил в движение карандаш. Запись сигналов производилась на фарфоровой доске, которая двигалась на каретке под действием часового механизма. Телеграфный аппарат Якоби в течение нескольких лет успешно работал на «царских» линиях: Зимний дворец – Главный штаб – Царское Село. Позже разработал новую конструкцию стрелоч-

ты эти в 1837 году вызывали глубочайшее изумление и в пользу их верили так же мало, как и в электрическое освещение. Уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах. Папа, интересовавшийся всем, что касалось достижений науки, приказал докладывать ему обо всем. Особо его интересовала техника гальванизации, столь необходимая для промышленности. Мой будущий зять, Макс Лейхтенбергский[22], в 1842 году основал в Петербурге первый завод, строившийся под руководством французских специалистов. Он существует еще и сегодня, под именем завода Шопена.

Все эти преподаватели занимались обучением только нас, четырех старших. Науками Кости ведал Литке. Он выбрал ему в преподаватели некоего Гримма, рациональный метод которого принес очень хорошие плоды. Кости, имевший прекрасную память, вдали от своих летних развлечении на кораблях Балтийского флота приобрел очень большие позна-

---

ного синхронного аппарата с горизонтальным циферблатом, электромагнитным приводом и прямой клавиатурой. А в 1850 году Якоби изобрел первый в мире буквопечатающий телеграфный аппарат, работающий по принципу синхронного движения.

[22] Муж Марии Николаевны, Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне, второй сын Евгения Богарне (сына Жозефины и пасынка Наполеона Бонапарта) и Августы из Виттельсбахов, принцессы Баварской, дочери короля Баварии Максимилиана I. По условию невесты и ее отца согласился после свадьбы остаться в России и поселился в женой в Мариинском дворце на Исаакиевской площади. Внес большой вклад в развитие горного дела в России (был главноуправляющим Горным институтом с 1844). Родоначальник русского аристократического семейства Лейхтенбергских, или Романовских.

ния в географии и математике, которые позволяли ему хорошо сдавать все экзамены. Благодаря своему пытливому уму и либеральным взглядам, не совсем обычным для Зимнего дворца, он проявил себя необычайно способным к пониманию всего делового, в то время как в обращении с людьми ему не хватало такта. Он обладал способностями государственного деятеля, и его имя останется связано с реформами, осуществленными в царствование императора Александра II. Литке умел окружить его замечательными людьми. Это он ввел к Кости Головнина, который в течение тридцати лет был его правой рукой. Ему удалось провести в Морское министерство способных молодых людей, которые, как и он, стремились изгнать оттуда бюрократический дух. Этих молодых людей называли потом «Константиновичами», и все они играли более или менее значительную роль, как, например, Рейтерн в Министерстве финансов, Набоков в управлении Польши, Димитрий Оболенский в Таможенном ведомстве, Димитрий Толстой в Министерстве просвещения. Напомнить обо всем этом я хочу в тот момент, когда Кости, впавший в немилость у императора Александра III, совершенно отошел от дел. Это было тяжелым ударом для всех либерально мыслящих, которые могли бы, опираясь на его помощь, восстановить равновесие между кругами отсталыми и передовыми. Но, видно, было суждено иначе. Кости всегда отличался терпимостью по отношению прессы, относился с презрением ко всем нападкам на свою особу и никогда на

них не реагировал. Этим объясняется, что поползли подлые слухи об его причастности к заговорам нигилистов. Слухи эти никем не опровергались. Он считал это ниже своего достоинства. Такой взгляд на вещи, вызванный только его благородством, должен был бы быть понятен не только мне одной. К сожалению, это не так.

* * *

В течение этой зимы я слышала много филармонических концертов в зале Энгельгардта[23], на которых исполнялись симфонии Бетховена, Реквием Моцарта и многое другое. Мне не доставляло это удовольствия. Анна Алексеевна, пытаясь развить мой слух, предложила предоставить мне возможность играть в трио со скрипкой и виолончелью. Она обнаружила Бэлинга, прекрасного музыканта, застенчивость которого до сих пор мешала ему сделаться известным, но его песни были уже довольно хорошо знакомы публике. Он сочинил для меня прелестные вариации на тему Национального Гимна. Я играла их Мама́ в день ее рождения в апреле.

В театре вызывала восторг Мария Тальони[24] в балетах

---

[23] С начала XIX века в доме, принадлежавшем полковнику В. В. Энгельгардту (современный адрес: наб. канала Грибоедова, 16 / Невский пр-т, 30), проходили концерты Петербургского филармонического общества. В Филармоническом зале выступали Г. Берлиоз, Р. Вагнер, И. Штраус, Ф. Лист, К. Шуман, М. И. Глинка, А. Г. Рубинштейн, Полина Виардо.

[24] Мария Тальони (1804–1884) – итальянская танцовщица, прославившаяся

«Сильфида» и «Дочь Дуная». Она была некрасива, худа, со слишком длинными руками, но в тот момент, как она начинала танцевать, ее захватывающая прелесть заставляла все это забыть. Надо было ее видеть, чтобы понять, что совершенство грации способно вызвать слезы умиления.

Мэри, бывшая в восторге от Тальони, заучила с дядей Карлом па-де-де, очаровательную и остроумную пантомиму. Они танцевали его на китайском маскараде, третьем и последнем так называемом «бобовом» празднике. Все были в китайских костюмах. Высоко зачесанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица. Папá был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем. Бобовой королевой была старая графиня Разумовская, выглядевшая в своем костюме замечательно. Королем был старый граф Пальфи, венгерский магнат, которого в Вене прозвали «Тиннль», очень веселый старик, охотно посещавший бульвары и кулисы театров, всегда с непокрытой головой, в жару, холод и даже в петербургскую зиму. Люди останавливались на улице, чтобы посмотреть вслед этому человечку в мадьярской одежде, с красным лицом и трубообразным носом, с волосами, зачесанными ежом. Его всюду приглашали. Его знакомства сохранились со времен Венско-

---

исполнением главных ролей в балетах «Бог и баядерка», «Сильфида», «Зефир и Флора», поставленных ее отцом.

го конгресса, так же как его внешность и замашки.

Весной Саша отправился в большое путешествие по России. Через Вятку он хотел добраться до Тобольска. Он первый из великих князей ступил на сибирскую землю. Все, имевшие до него дело или обращавшиеся к его посредничеству, были очень милостиво приняты Папá, который страстно желал, чтобы имя его сына благословлялось, где бы он ни появлялся.

В Новочеркасск Саша торжественно въехал верхом на лошади, с атаманской булавой в руках, окруженный казаками. В то время ему было девятнадцать лет. Он был высок и строен. Лицо его было более красивым, чем повелительным. В нем преобладала мягкость, и в глазах светилась доброта его души. Таким он оставался до конца своих дней, в шестьдесят лет. Неблагодарность людей и разочарования в жизни не смогли изменить его доброту, которой было пропитано все его существо.

11 июля, в день моего Ангела, он находился в Туле, откуда прислал мне икону с изображением Богоматери. Я до сих пор ее храню. Такое исходившее от сердца внимание он оказал мне тогда, когда был завален работой и обязанностями, которые занимали все его время. Оно меня тем более тронуло, что ведь обычно братья не балуют своих сестер. Осенью он встретился с родителями в Вознесенске, чтобы присутствовать на больших кавалерийских маневрах. Множество высочайших особ и принцев из-за границы уже прибыло ту-

да; между ними также и принц Карл Баварский и с ним его племянник, принц Лейхтенбергский. С первого же взгляда Мэри его поразила. И он понравился ей, так как он был очень красивый мальчик. Но главным образом ей льстило то впечатление, которое она произвела на него, и мысль о том, что он может стать ее мужем, сейчас же пришла ей в голову. Согласится ли он остаться с ней в России? Я повторяю, что ей только пришла эта мысль, ни о каком серьезном чувстве еще не могло быть и речи.

* * *

В Москве мне пришлось принять участие в некоторых балах и торжественных обедах, без особой на то охоты: я всегда этого боялась, так как Папá очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты – прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры. Перед мазуркой меня отсылали спать. Об удовольствии не могло быть и речи.

Когда давался торжественный обед за маленьким столом на двенадцать приборов, говорил только один Папá. Он рассказывал о поездках или иных воспоминаниях, был весел, шутил или даже говорил двусмысленности. Когда он говорил о серьезных вещах, его речь захватывала, как это часто бы-

вает у людей, которые живо воспринимают и действительно убеждены в том, что они говорят. После обеда он стоял у камина и разговаривал с генералами о военных делах: вспоминал Бородино, Лейпциг, вступление в Париж. Мамá сидела в кругу прочих гостей. Там были очень оживленные разговоры, особенно если при этом был Серж Строганов, скрывавший под серьезной внешностью веселый темперамент и пользовавшийся большим расположением дам. По вечерам занимались музыкой или же смотрели любительские спектакли. Однажды даже давали «Севильского цирюльника», и все очень хорошо играли. Почин исходил по большей части от Мамá и тети Елены[25] или от бывших придворных дам, ставших москвичками, но сохранивших еще былую энергию и умевших занимать Папá.

Несмотря на мою светскую жизнь, я все еще оставалась ребенком и сейчас еще вспоминаю те шалости, которые я придумывала тогда. Особенно запомнился мне один случай. Анна Алексеевна обещала своим племянницам привести их во дворец. Немного взволнованные предстоящим представлением великой княжне одного с ними возраста, они воображали себе этот визит очень торжественным. Адини и я сложили целую гору подушек. Задрапированные пестрыми платками и лентами из Торжка, обмотанными вокруг голов, мы сели по-турецки поверх подушек, вооружившись киями

[25] Великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича.

от бильярда вместо табачных трубок. Дверь отворилась – полнейший конфуз! Затем взрывы хохота, киданье подушками – так произошло знакомство. Но Анна Алексеевна была очень долго огорчена таким недостойным представлением.

Занятий в эти недели, кроме музыки и чтения, у нас не было. Вместе с Мэри мы читали вслух книгу мадам де Сталь о Германии. С Кости, который не только имел «Историю России», но и хорошо знал ее, мы посещали Оружейную палату, монастыри и музеи. Он был прекрасным чичероне и поражал всех своими меткими вопросами и замечаниями. При этом он также шалил: примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы на себя и шапку Владимира Мономаха, если бы ему не помешал Литке. Мы присутствовали при облачении Макария Булгакова [26], известного знатока церковной истории, митрополита Московского, который был ректором Духовной академии в Петербурге. Филарет[27], который возлагал на него большие надежды, принимал участие в этой церемонии.

---

[26] Митрополит Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков) (1816–1883) – епископ Православной российской церкви, историк церкви, богослов. С 8 (20) апреля 1879 – митрополит Московский и Коломенский. Ординарный академик Академии наук (1854).

[27] Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867) – епископ Православной российской церкви; с 3 июля 1821 года архиепископ (с 22 августа 1826 – митрополит) Московский и Коломенский. Действительный член Академии Российской (1818); почетный член (1827–1841) Императорской академии наук и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Крупнейший русский православный богослов XIX века.

Адини не могла сопровождать нас: у нее болела нога, и ей пришлось пролежать все время нашего пребывания в Москве на шезлонге. Днем ее носили по нашей потайной лестнице наверх к Мамá, и она принимала участие в разучивании духовных песен, – это выдумал Папá, с тех пор как узнал от Филарета, что Петр Великий пел в хоре. Наша часовня была как раз под комнатами родителей, туалетная Мамá даже сообщалась с хорами. Папá, Саша, Мэри и Адини, у которой было прекрасное сопрано, а также Анна Алексеевна и еще некоторые, пели всю обедню. Алексей Львов[28] сочинил для них песнопения, между ними «Отче наш» и чудесную «Херувимскую»[29], специально для Адини. По воскресеньям, перед обедней, все собирались, чтобы прорепетировать, если нужно было петь новые песнопения к празднику, а главное, прокимен[30], который имел на все 52 недели года для каждого воскресенья свое собственное название и молитву. У Папá стало с тех пор привычкой узнавать прокимен для следую-

---

[28] Алексей Федорович Львов (1798–1870) – русский скрипач-виртуоз, композитор, дирижер, музыкальный писатель и общественный деятель. Создатель музыки гимна «Боже, Царя храни!» (1833) и других сочинений.

[29] Херувимская песнь (греч. Χερουβικός Ὑμνος; кратко по первым словам – «Иже херувимы») – в византийском обряде (православие и грекокатолицизм) песнопение, которое поется на Литургии.

[30] Прокимен (*греч.* προκείμενον – букв. «лежащий впереди») – в православной церкви неоднократно повторяемая песнь, состоящая из одного стиха псалма (чаще всего, хотя есть прокимны, взятые из Евангелия, Апостола и даже апокрифических текстов), каждое из этих повторений предваряется «стихом» в менее торжественном исполнении. Исполняется перед чтением Апостола или Евангелия.

щего воскресенья заранее. Его глаза встречались с нашими, когда пели очередной прокимен, и Саша потом в память этого делал то же, если присутствовал кто-либо из нас, певцов тогдашнего доброго времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.